

**Почетный гражданин деревни Людково
Евгений Иванович Мареев**
Учительская газета. 5 июля 1984 года.
Память о мужестве.

Память о мужестве вечна! Издалека виден, не гаснет отблеск военных пожарниц.

Двести сорок восьмой километр Варшавского шоссе у поселка Людково в Калужской области. Стоит высокий обелиск. Рядом, в бетонном кольце, - орудие.

Пронесаются мимо машины - и разлетаются над лесом, над полями гудки. Здесь в первую военную зиму полегли десантники 1154 -го полка 344 стрелковой дивизии.

Останавливаются свадебные кортежи. И замирают люди у памятника. Трепещут на ветру белые ленты, строгое молчание прерывает на минуту бег радости.

В 1952 году, через десять лет после гибели десанта, стоял тут капитан запаса, бывший начальник связи того самого 1154-го полка, инструктор Бауманского райкома партии Москвы Евгений Иванович Мареев, студент-заочник педагогического института. Не было тогда памятника, да и самого поселка Людково, можно сказать не было, если не считать пяти домов, слепленных из обгорелых брёвен, да землянок. А детей было много. Где они жили, трудно было понять. Может, в сгоревших танках, что ещё громоздились неподалеку. Там рассевишись на закопченной броне, впервые

услышали от Мареева дети посёлка Людково слово «десант», а потом увидели березу, на которой ещё не заплыла вырезанная солдатским ножом надпись: «Из 600 нас осталось 12».

Двенадцать человек в 1942м осталось в живых от полка, оседлавшего под Людковым, в тылу противника, единственную дорогу к линии фронта и не пропустившего по ней немецкие подкрепления, пока наши отбивали город Юхнов – последний город, освобожденный в московском контрнаступлении.

А несколько лет спустя Е.И. Мареев, ставший уже педагогом, снова в Людкове. Вместе с однополчанами проводит в классах уроки мужества.

К тому времени Людково успело забыть про землянки. Были разобраны на дрова первые послевоенные домики. Но школа всё ещё ютилась в наспех когда-то построенной бывшей солдатской казарме.

Евгений Иванович едет в Калугу. Его письма обсуждаются в обкоме партии, в облисполкоме. И не зря именно ему, московскому учителю, фронтовику, председатель Калужского облисполкома А.И. Демидова сообщает о том, что для строительства новой школы в Людкове выделены средства и материалы.

Когда начали стройку, первый кирпич в фундамент положил Е.И. Мареев.

Только один кирпич?

Да нет же, нет.

Ученики 581й московской школы, целый класс, которым руководил Евгений Иванович, три праздничных дня проводят в Людкове. Многие кирпичики положены ими там в школьные стены. Много завязано дружеских связей. Ежедневно под вечер они уходили из посёлка, нагрузившись спальными мешками, палатками. Они хотели ночевать там, где держал оборону полк, почувствовать фронтовое братство, о котором им столько рассказывал любимый учитель.

А Мареев ночами – опять капитан. Он снова с однополчанами, съехавшимися со всех концов страны. Вспоминают тяжёлые марш-броски, атаки, бои.

-Женька, ты не боишься школьников одних оставлять в окопах? – прерывает кто-то воспоминания.

-Не первый поход у нас с ними, - отвечает Евгений Иванович, - втянулись, к том же это – испытание на прочность.

Но перед рассветом, когда один за одним засыпают фронтовые товарищи, Мареев уже на дороге к деревне Проходы, к высоте 248. Там за высотой у реки Перекиши спят его ученики. Ничего, что туда до Людкова семь километров и дорога туда и обратно – четырнадцать. На побудке ребята должны его видеть.

Днем в деревне Красная горка кто-то из ветеранов спрашивает московских школьников, видели ли они могилу Мареева. И хмурится классный руководитель: надо ли ребятам об этом знать?

А ребята уже обступили ветеранов – им обязательно надо знать всё, по правде, как было...

Всю войну везло лейтенанту Марееву. Может быть, потому, что рядом, днём ли, ночью ли, в тяжёлом деле или в лёгком, всегда был надёжный и верный помощник – сержант Баранкин. Красноармейцы мореевского взвода за глаза звали юного лейтенанта Женей. Но любо его распоряжение выполнялось четко, быстро и с охотой. «Женя сказал»- и пошли в огонь, ни спать, ни есть, пока не сделают. А лейтенант и слово «приказываю» за всю войну вроде ни разу не произнёс. Только объяснял, что надо сделать и как. Коротко объяснял, четко, без лишних слов, по-военному, но не раздражался, если не понимали, объяснял ещё раз, слова находил доходчивее, как учитель в школе. Тогда и приклеилась к нему вторая кличка – «учитель». Так и пошло сначала по роте связи, а потом и по полку : «Женя-учитель».

Баранкин этих вольностей не любил. Невысокий, коренастый, в плечах кося сажень, услышит от кого «Женя», остановится, прищурит глаза, словно прицелится- и сразу у шутника язык присыхает к нёбу.

- Им-мей-те в виду!- угрюмо буркнет Баранкин. И уйдет. А шутник ещё долго озирается. Кто его знает, что там надо «иметь в виду», а ручища у сержанта, как кувалда. Не упускал никогда Баранкин лейтенанта из виду, всегда оказывался рядом.

Под Юховом за четыре дня выбыли из строя один за другим все взводные и заместитель командира роты. А Женя-учитель под огнем Баранкина прикрыт, то положит его сержант на снег – сила то лошадиная – не даст срубить осколками. Но в заместителях Марееву не пришлось пробыть и двух дней: убило ротного, прямо на командном пункте полка. К вечеру вернулись из окопов Мареев с Баранкиным, обоим новые назначения- лейтенанту приказано роту принять, сержанту взвод. Месяца не прошло – стал Мареев на несколько ступенек выше по должности. Ударил стоятимиллиметровый прямо по штабному дому в деревне красная гора. Одних убило, других ранило тяжело. Мареева выбросило взрывной волной.

Поднялся на четвереньки, встал, прошел, шатаясь, несколько шагов до каменного сарая, где узел связи. Сумел по рации передать: - Командую полком я, лейтенант Мареев. Все старшие командиры биты.

Связался с лейтенантом Карасёвым, командиром третьего батальона, и командиром пулемётной роты Листратовым, принявшим в бою второй батальон. Договорились, как действовать. Сообщил в штаб дивизии, просил прислать полкового командира. Получил приказ командовать пока самому. Но не довелось бы ему и часа командовать полком, если бы опять не сержант Баранкин. Никогда не выпускавший из виду ротного, взводный во время артналёта поднял лежащего в контузии Мареева, взвалил на плечо и в пять скачков достиг обрыва у берега речонки Перекиши и рухнул с ним под откос, де снарядом не достать, где на пять

сантиметров перелет – и разрыв уходит на километр дальше в речную долину. А там, откуда Баранкин выхватил Женю-учителя, сотни снарядов уже рвали и кромсали всё, что ещё шевелилось.

- Вот и на этом самом месте? – изумленно оглядываются московские школьники.

А мальчишки из окрестных деревень важно кивают: да, на этом. И на лице у каждого будто написано: вот на какой особенной земле они живут.

Еще не раз приедет учитель Мареев с полным автобусом школьников туда, где бился десант. Давно уже выпущен класс, который клал кирпичи в стены людковской школы. Уже институты закончили многие. А нет, нет да и появятся в школе, а то и на «Варшавке» - помнят, не забыли походы под командой капитана Мареева, землю, войной опалённую, её поднимающих. Помнит их и Людковская школа.

Уже историей стал поход по боевому пути 1154-го полка. На поезде до Малоярославца. На автобусе до Юхнова. Пешком через деревни Сулихово, Черново, Чибири – к Людкову. А через два дня – на попутном транспорте на Рославль, под Минск до Риги.

Останавливали Мареева перед походом, уговаривали, пугали: дети, ответственность какая, мало ли что...

Никогда не боялся ответственности капитан Мареев. А учитель Мареев знал, как крепнет в походах дружба.

Умер Евгений Иванович, как говорится, в одночасье. Разом остановилось сердце, всего несколько слов и успел сказать: «Конец... Похороните в Людкове... Дивизия знает где»...

В пасмурный дождливый дождь прошла по Людкову траурная процессия. От школы до «Варшавки», не разбирая дороги, несли однополчане гроб. Вся школа, все окрестные деревни пришли проститься с защитником, другом калужской земли, оставшимся в ней навсегда.

Невдаоке от памятника на 248-м километре Варшавского шоссе – братская могила десантников. Смотрит с небольшой мраморной плиты и учитель Мареев. Многие машины останавливаются здесь. Молча читают люди слова о военном подвиге десанта и послевоенном подвиге учителя: «Почетный гражданин Людково, Евгений Иванович Мареев – москвич, завещавший похоронить себя рядом с однополчанами».

Идут, идут машины по варшавскому шоссе. Разлетаются над лесом над полями тревожные гудки, не дают, не дадут угаснуть памяти.

**Ю. Альтигуль, председатель совета ветеранов 344 дивизии,
Почетный гражданин Людкова.**

